

ПОСТПРАВДА КАК ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОШИБКА И УГРОЗА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В. М. Хруль

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
ул. Гончарова, 17А-2-22, 127254, г. Москва, Россия,
amen@mail.ru*

Автор призывает подвергнуть внимательному критическому анализу термин «постправда» и отказаться от его употребления как в академическом дискурсе, так и в журналистских публикациях. По мнению автора, в этой лексеме содержится ошибка – не только логическая, но и онтологическая, которая странным образом остается неисправленной. Слово «постправда» обозначает принципиально важную сущностную подмену: правда в нем лишается абсолютного статуса и помещается в один ряд с вещами временными, конечными, конвенциональными: постправда изоморфна посткоммунизму, посттоталитаризму, постмодернизму, постсекуляризму др. Релятивизация правды, размывание границ между истиной и ложью таким образом позиционируются как нормальный исторический процесс: была одна правда, да кончилась, а теперь правд много, они разные. Согласие с этим тезисом, по мнению автора, может повлечь за собой негативные последствия как для самой журналистской деятельности, так и для ее научного изучения.

Ключевые слова: постправда; правда; журналистика; медиаисследования; терминологическая корректность.

POST-TRUTH AS A TERMINOLOGICAL ERROR AND THE THREAT TO MODERN JOURNALISM

V. M. Khroul

*National Research University Higher School of Economics (HSE),
17A-2-22, Goncharova Str., 127254, Moscow, Russia
Corresponding author: V. M. Khroul (amen@mail.ru)*

The author calls for a critical analysis of the term «post-truth» and for avoiding it both in academic discourse and in journalistic publications, since this lexeme contains not only a logical, but also an ontological error, which surprisingly remains uncorrected. The word «post-truth» denotes a fundamentally important

essential substitution: the truth loses its absolute status and is placed on a par with temporary, limited, conventional things such as post-communism, post-totalitarianism, postmodernism, post-secularism, etc. Relativisation of the truth blurring the boundaries between the truth and falsehood are positioned as a stages of historical process: there was one truth, but now there are many and different. The author suggests that the acceptance of this situation can entail disastrous consequences both for the journalism itself and for media studies.

Key words: post-truth; truth; journalism; media research; terminological correctness.

Постправда – и как научный термин, и как слово журналистского дискурса – воспринимается в последние годы как аксиома, как данность, как общее место и даже как трюизм, не подлежащий сомнению и критическому анализу.

Тем не менее, даже мягкий терминологический «аудит» постправды обнажает в этом слове логическую, филологическую и даже онтологическую ошибку, которая странным образом остается неартикулированной ни в академических публикациях, ни тем более в журналистских текстах.

На наш взгляд, вирусное распространение слова «постправда» может повлечь за собой существенные последствия для современной журналистики, поставив под сомнение онтологическую сущность этой профессии. Ее очень точно и ясно выразил Ник Дэвис, опытный и бескомпромиссный британский журналист, автор очень популярной книги *«Flat Earth News»* (*«Новости плоской Земли»*, 2009): «Главная цель журналиста – постараться рассказать аудитории правду о важных вещах» [1, с. 21]. Правда – основная категория этого определения. Если она перестает восприниматься всерьез, если трактуется релятивистски, то сама профессия журналиста в своей сути теряет основу.

Перейдем к рассмотрению эволюции слова «постправда», которое уже обрело терминологический вес в социальных и гуманитарных науках, в том числе и филологии.

Принято считать, что данный неологизм впервые употребил в 1992 г. американец Стив Тесич, используя выражение «post-truth» в своей публицистической работе о войне США в Персидском заливе [2]. Первой научной попыткой осмысления нового понятия стала статья, посвященная слову в Оксфордском словаре, переизданном в 1996 г. Слово постправда было включено в толковый словарь английского языка со значением нечто, обозначающее такие обстоятельства, когда объектив-

ность фактов не влияет на формирование общественного мнения, потому что подменяется вызыванием к эмоциям и личным убеждениям.

Далее этот термин был популяризирован в книге Ральфа Кейеса «*The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life* (Эра постправды: нечестность и обман в современной жизни)» [3]. По мнению Кейса, общество вступает в эру постправды, когда ложь начинает доминировать в политической и повседневной жизни – так стало намного легче и выгоднее. Он пишет также о так называемом «техническом обмане», позволяющем лгать без последствий в результате анонимности в интернете.

Сегодня термин «постправда» описывает эпоху развития массовых коммуникаций, когда истина становится не принципиально важной. Постправда представляет собой информационный поток, который намеренно конструируется в современном обществе с помощью СМИ и других каналов для создания виртуальной, отличной от действительности, реальности с целью манипулирования общественным сознанием [подробнее см. 4, 5, 6, 7, 8, 9]. Это слово описывает обстоятельства, в которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям. Предполагается, что в эпоху постправды люди верят в то, во что хотят верить, и идут за авторитетами вместо того, чтобы доверять фактам, цифрам и конкретным данным. Это время, когда скучной правде всегда предпочитают эффектную ложь; общественную ситуацию, в которой апелляция к личным убеждениям людей и их эмоциям более действенна, чем ссылка на объективные факты.

Информации становится больше, но проверяют ее все реже, к тому же стирается грань между массовым и личным [см. 10, 11, 12, 13, 14]. Мир вступает в «эру постправды» во многом из-за широкого распространения социальных сетей и интернет-платформ, из которых люди получают зачастую намеренно искаженную информацию о происходящих в мире событиях. Раздробленность источников новостей создает такую ситуацию, в которой ложь, сплетни и слухи в интернете способны очень быстро подменять правду.

Рациональное начало больше не преобладает в анализе и оценке сведений, усилилась роль эмоционального в восприятии не только информации, но и самой реальности. Факты, доказательства, информация как объективное отражение события уравниваются с мнениями, отзывами и слухами. Тем более что количество влиятельных субъектов, которые

заинтересованы в постправде, во все времена велико: это политики, ищущие популярности и голосов, продавцы товаров и услуг в стремлении продать больше и дороже, СМИ в погоне за тиражами; журналисты в стремлении сделать карьеру или прославиться; блогеры в борьбе за подписчиков и рекламодателей; чиновники, чтобы доказать лояльность или украсть; оппозиционеры, чтобы настроить общество в свою пользу; иностранные разведки, чтобы ослабить государство; собственные силовики, чтобы усилить государство, и так далее.

С. В. Чугров концептуализировал понятие постправда как «особую квазиреальную среду», «постмодернистскую девиацию, деформированное и стереотипизированное состояние сознания, в котором стереотипы уже оторвались от реальных образов». Как отмечает Чугров, «постправда – это некий контекст, модальность, ситуация, которые делают возможным распространение ложных новостей, причем не предполагающих за это ответных санкций. В таком модальном (релятивистском) контексте не имеет значения: правдива ли новость или фальшива. Важно, чтобы она отвечала двум характеристикам: эмоциональному настрою потребителя информации и политическим целям коммуникатора» [15, с. 46]. Дискурс «постправды» определяется как дискурс, в котором «правдоподобность» («truthiness») важнее правды [16, с. 596].

Постправда меняла источники и формы, но существовала и, возможно, доминировала во все времена. И вот здесь возникает закономерный вопрос: а так ли уж нужен новый термин, если он описывает реальность, существовавшую и ранее?

Действительно, ложь заполняет пространство смыслов стремительно в условиях «сверхпроводимости» современных медиа. А в медицинском контексте современности постправду можно сравнить с вирусом, распространение которого посредством современных медиа становится пандемией. В то же время иммунитет (медиаграмотность), гигиенические средства (антисептики, маски – информационные фильтры) и разумная дистанция (с гаджетом или девайсом) – оставляют желать лучшего.

В сложившихся обстоятельствах критерии истины формируются технологическими алгоритмами социальных сетей, которые выдают пользователям тот контент, который привлечет пользователя на более глубоком эмоциональном уровне и удержит его внимание как можно дольше. Пристрастный, эмоционально-вызывающий контент с большей вероятностью будет опубликован или показан в ленте раньше, тем самым выигрывая соревнование по кликам, репостам и лайкам у объ-

ективного, сдержанного и всеобъемлющего контента. Эта тенденция обесценивает основополагающие ценности журналистики и саму суть информации, которая строится на точности, объективности и достоверности.

Люди сформированы в рамках определенной политической культуры и структуры, которые подкрепляют убеждения их сообществ и их опыт в рамках этой когнитивной схемы. При этом они игнорируют доказательства, которые их опровергают. Как следствие, когда человек сталкивается с материалами, аргументами, которые противоречат его системе ценностей, то он, скорее, будет ставить под сомнение достоверность этих фактов, нежели свои установки и, возможно, будет агрессивно защищать свою позицию, не слушая и не пытаясь понять то, о чем говорят другие.

Люди зачастую сильно эмоционально привязаны к своим глубоко укоренившимся убеждениям. У этого явления есть обоснованная причина: это могло усвоиться психикой человека при воспитании родителями, а также другими людьми, которые оказали влияние на становление человека как личности – учителя, религиозные и культурные предводители, коллеги. На протяжении становления человека все то, что было сформировано на основе жизненного опыта, должно было обеспечивать систематическое подкрепление усвоенных когнитивных установок, включая политические предпочтения, этические и моральные стандарты и «картину мира».

Даже самая поверхностная попытка деконструкции термина пост-правда обнажает принципиально важную сущностную подмену: правду лишают абсолютного статуса и помещают в один ряд с вещами временными, конечными, релятивными, конвенциональными. Приставка «пост», которая означает «после», корректно, адекватно смотрится в словах посткоммунизм, посттоталитаризм, постмодернизм, постсекуляризм. Но невозможно назвать ее корректной в слове «постправда». Слова коммунизм, тоталитаризм, модернизм, секуляризм имеют ярко очевидный темпоральный (временной) аспект, который неприменим к правде. И это, на наш взгляд, не столько логическая, сколько филологическая и даже онтологическая ошибка. Вследствие этой ошибки приставка «пост» означает не просто «после» («after»), но и «за» («beyond») в том смысле, что истина больше не актуальна. Релятивизация правды, размывание границ между истиной и ложью таким образом позиционируются как нормальный исторический процесс: была одна правда, она кончилась, а теперь их много и разных...

Такая ситуация может повлечь за собой существенные последствия для журналистской деятельности, в которой правда является краеугольным камнем.

Библиографические ссылки

1. *Davies N.* Flat Earth News: An Award-Winning Reporter Exposes Falsehood, Distortion and Propaganda in the Global Media. London: Vintage, 2009.
2. *Tesich S.* A government of lies. The Free Library [Electronic resource]. 2014. URL: <https://www.thefreelibrary.com/A+government+of+lies.-a011665982> (data of access: 10.12.2021).
3. *Keyes R.* The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. St. Martin's Press, New York, 2004. 312 p.
4. *Buckingham D.* Teaching media in a 'post-truth' age: fake news, media bias and the challenge for media/digital literacy education // Culture and Education. 2019, 31:2. P. 213–231.
5. *Chomsky N., Herman E. S.* Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. Knopf Publishing Group, 2003. 582 p.
6. *Gelfert A.* Fake news: A definition. Informal Logic, 2018.
7. *Jaques C., Israr M., Lord G.* Post-Truth: Hegemony on Social Media and Implications for Sustainability Communication // Sustainability 2019, 11, 2120.
8. *Lewandowsky S., Cook J., Ecker U.* «Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the “Post-Truth” Era» // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2017.
9. Peters, Rider, Hyvönen, Besley, M. A. S. M. T. (Ed.). Post-Truth, Fake News: Viral Modernity & Higher Education. Springer, 2018.
10. *Ильченко С.* Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. СПб.: Питер, 2019 320 с.
11. *Новикова А. А.* Телевизионная картина мира как объект исследования в журналистике // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. №13 (93).
12. *Хомский Н.* Создавая будущее. Оккупации, вторжения, имперское мышление и стабильность. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
13. *Holt K., Ustad Figenschou T., Frischlich L.* Key dimensions of alternative news media // Digital Journalism, 2019. Vol. 7, №. 7. P. 860–869.
14. *Kachkaeva A., Kolchina A., Shomova S., Yarovaya E.* Trust, but verify: problems of formation of media literacy and critical thinking of Russian students, Media Practice and Education. 2020.
15. *Чугров С. В.* Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2, С. 42–59.
16. *Lakoff R.* «The hollow man: Donald Trump, populism and post-truth politics» // Journal of Language & Politics. 2017, Vol. 16. Issue 4. P. 595–606.